

На правах рукописи
УДК 32.323

Мотайло Алексей Сергеевич

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Специальность: 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии
(политические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

005059147

Санкт-Петербург
2013 г.

16 МАЙ 2013

Работа выполнена на кафедре политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Научный руководитель:

доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Попова Ольга Валентиновна

Официальные оппоненты:

доктор политических наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Балтийский государственный технический университет «Воснмех» им. Д.Ф. Устинова»

Баранов Николай Алексеевич

кандидат политических наук, специалист исследовательского отдела Фонда Свободы Информации (Институт Развития Свободы Информации)

Боталова Дарья Борисовна

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Защита состоится «26» апреля 2013 г. в 17.00 часов на заседании Совета Д 212.199.14 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», по адресу: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корпус 20, ауд. 229

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корпус 5.

Автореферат разослан 21 апреля

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

В.А. Абаканова

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблемы протестного поведения в политике, будучи перманентно значимыми для сохранения социально-политических систем и их развития, приобретают в последние несколько лет особую остроту в связи с нарастанием масштабов и интенсивности политического насилия в разных регионах мира. В результате так называемых «цветных революций» сменились правящие режимы в ряде постсоветских государств (в Грузии, Украине, Киргизии¹, также – с точки зрения некоторых аналитиков – сюда можно отнести выступления 2006 года в Белоруссии² и 2008 года в Армении³, а также события 2009 года в Молдавии⁴); арабский мир также испытывает нарастающее давление протестных движений на правящие режимы, некоторые из которых – при явной иностранной поддержке протестующих либо без оной – уже не устояли (Ливан, Тунис, Египет, Ливия⁵). Нарастание интенсивности политических протестных выступлений в Европе и США (акции формата «Occupy the Wall street»⁶, волнения в Великобритании⁷) делает данную проблематику в высшей степени актуальной не только с теоретической, но (возможно, даже в большей степени) с прикладной точки зрения.

В свою очередь, Китай представляет интерес для исследователей как один из новых лидеров мировой экономики⁸ и геополитики, поэтому состояние социально-политической системы КНР, несомненно, является актуальным предметом для изучения. Растущее влияние Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом стимулирует дискуссию о роли китайского государства и общества в глобальных процессах, создавая потребность в изучении значимых аспектов его социально-политического развития.

¹ Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. С-Пб., Алетей, 2008. – 208 с.

² Маркушин В. Васильковская революция не пройдет // Красная Звезда. – 02.03.2006.; Васильковская революция // ИноСМИ. – 28.06.2005. : эл. ресурс URL: <http://www.inosmi.ru/world/20050628/220595.html> (свободный доступ, дата обращения 20.10.2011)

³ At Least Eight Killed In Armenian Post-Election Unrest // Armenia Liberty (RFE/RL). – 02.03.2008. : эл. ресурс URL:

<http://web.archive.org/web/20090221033456/http://www.armenialiberty.org/armeniareport/report/en/2008/03/8D6FD2D9-C798-4BF4-8307-1F434344FFC9.ASP> (своб. доступ, дата обращения 11.11.2011); Армения: в Ереване полиция избивает мирных демонстрантов // Human Rights Watch (NY). – 29.02.2008. : эл. ресурс URL: <http://www.hrw.org/en/news/2008/02/29> (своб. доступ, дата обращения 15.10.2011)

⁴ Moldova forces regain control of parliament after 'Twitter revolution' // Guardian. 08.04.2009; Число раненых в беспорядках в Кишиневе превысило 270 человек // РИА Новости. – 08.04.2009. : эл. ресурс URL: <http://ria.ru/incidents/20090408/167536795.html> (своб. доступ, дата обращения 18.10.2011)

⁵ Истоки и смысл арабской революции. Интервью «Наука 2.0» с А.Коротчевым // Полит.ру. – 07.06.2011. : эл. ресурс URL: <http://polit.ru/article/2011/06/07/korotchev/> (своб. доступ, дата обращения 22.12.2011); Попов В. Арабы 2011: от весны революции к осени правителей. // Журнал-Нео. – 24.12.2011. : эл. ресурс URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/11946> (своб. доступ, дата обращения 27.12.2011)

⁶ Ryan S. What are the Occupy Wall Street protests in New York? // The journal. – 30.09.2011 : эл. ресурс URL: <http://www.thejournal.ie/what-are-the-occupy-wall-street-protests-in-new-york-241387-Sep2011/> (своб. доступ, дата обращения 18.12.2011)

⁷ Великобритания. Несколько городов охвачены насилием // MIGnews.com. – 09.08.2011 : эл. ресурс URL: http://mignews.co.uk/print/090811_60646_24904.html (своб. доступ, дата обращения 01.11.2011)

⁸ Country Comparison : GDP (purchasing power parity) // CIA The World Factbook 2011 : эл. ресурс URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html> (своб. доступ, дата обращения 13.11.2011)

Культурная и рыночная глобальная интеграция, равно как и практическая потребность в прогнозировании процессов политической эволюции, диктуют необходимость с повышенным вниманием отнестись к насущным проблемам КНР, претендующей на роль регионального военно-политического и социально-экономического лидера с прицелом на мировую гегемонию.

Степень разработанности проблемы

Этно- и политогенез китайской национальной общности, возникновение и эволюция мировоззренческих констант наряду с устойчивыми паттернами организации социально-экономической и социально-политической жизни китайского общества, специфически национальные духовные ценности, нашедшие отражение в философских системах, характеризующихся кроссэпохальной преемственностью, являются определяющими в традициях длительного слитного функционирования политических институтов, исторической науки, культуры в самом широком её смысле; указанные процессы в большой степени детерминировались моральными императивами⁹.

Данные особенности рассматриваемой страны обуславливают внимание к политической культуре. Анализ политической культуры, называемой Л.Паем «душой китайской политики»¹⁰, позволяет глубже проникнуть в специфику и вскрыть определяющие факторы исторического развития Китая, помогает найти ориентиры в современной политической жизни КНР, даёт инструменты прогнозирования её дальнейших трансформаций.

Основы концепции политической культуры сформулированы С.Вербой и Г.Алмондом в середине прошлого века. Весом вклад в разработку понятийных схем и моделей У.Блюма, М.Дюверже, Д.Каванаха, Л.Пая, И.Розенбаума, Р.Ж.Шварценберга, Д.Элазара и других¹¹. Как правило, в их работах объектное поле политической культуры ограничивается сферой образцов ориентации, детерминирующих политическое поведение (Л.Пай), сферой сознания, сводимой к совокупности психических состояний индивида (Алмонд и Верба), либо сферой репрезентации политического поведения (Е.Вятр, Д.Пол). Бихевиористский подход, доминировавший на стадии становления политической культурологии, отождествляет политическую культуру с субъективным содержанием политики, имея в виду полную совокупность духовных явлений. Такой подход встретил оппонентов в лице интерпретативистов: такие исследователи, как Л.Дитмер, А.Мейер, Р.Такер, Ч.Тейлор, С.Уэлш стремятся выявлять и объяснять взаимосвязи между типами политических культур и политических систем¹². Они

⁹ Абрамова Н.А., Кучинская Т.Н. «Китайский регион» в политическом измерении. – Чита, ЧитГУ, 2008. – с.

¹⁰ Пай Л. Незападный политический процесс. \пер. Семилетова Н.\ // Политическая наука. 2003. №2. – С. 66-85.

¹¹ См.: Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. – New York, 1953. – 330 pp.; Idem. The Systems Analysis of Political Life. – Chicago, 1979. – 508 pp.; Idem. The Analysis of Political Structure. – New York\ London, 1990. – 352 pp.; Almond G., J. Coleman A Functional Approach to Comparative Politics // Politics in Developing Areas. – Princeton, 1960. Pp. 3–64; Almond G., Powell G. Comparative Politics: A Developmental Approach. – Boston, 1966. – 350 pp.; G. Almond, G. Powell. Comparative Politics Today: A World View. – New York, 1996. – 832 pp.

¹² Welch S. The Concept of Political Culture. – London, 1993. – 208 p.

ориентированы на поиск и анализ корреляций политической культуры и политического процесса, а также на представление политической культуры как смыслового видения политической системы и в целом политики.

Особо отметим принципиально важную для нашего исследования концепцию незападного политического процесса, введённую в научный дискурс и развиваемую такими исследователями как Л.Пай, Дж.Кахен, Г.Паукер¹³. В своей статье 1964 года¹⁴ Л.Пай выводит ключевые черты политических систем *незапада*, разбираемые в третьем параграфе первой главы настоящей работы.

В отечественной науке политическая культура также рассматривалась как важный аспект политических систем. Одной из ключевых работ, обобщающей опыт исследований политической культуры и знаменующей активизацию международного сотрудничества в исследовании данной проблематики, является совместный труд В.О.Рукавишникова, Л.Халмана и П.Эстера «Политические культуры и социальные измерения. Международные сравнения»¹⁵.

В советском и российском Китаеведении понятие политической культуры операционализировалось посредством концептов «традиции», «идеологии», «образцов политического поведения». Большинство синологов так или иначе касалось вопросов, связанных с традиционной политической культурой. Идеолого-философскому аспекту данной проблемы посвящены исследования А.С.Мартынова, Н.И.Конрада, С.Л.Тихвинского, М.Л.Титаренко, Л.С.Переломова и других. К.М.Тертицкий делает акцент на ценностной стороне политико-культурных традиций¹⁶. Исследования по проблемам управления в традиционном Китае проводились Л.С.Васильевым, Б.Г.Дорониным, Е.И.Кычановым, Ю.Л.Кроль. Н.В.Абаев и Л.Е.Янгутов разрабатывали тему культуры религиозной деятельности в традиционном Китае, касаясь, в том числе, политических аспектов. Значение традиции в историческом аспекте детально рассмотрено в коллективной монографии «Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР» под редакцией М.Л.Титаренко и Л.С.Переломова. Изучением политической системы, в рамках которой политическая культура формируется и актуализируется, занимались Р.М.Асланов, Л.М.Гудошников, К.А.Егоров, К.А.Кокарев и другие. Основное содержание административной реформы (часто именуемой – на наш взгляд, ошибочно, ввиду расширительного толкования, – политической) детально освещается Л.П.Делосиним и рядом других исследователей¹⁷. Фундаментальный анализ культурно-исторической

¹³ Kahin G.McT., Pauker G.J., Pye L.W. Comparative Politics in Non-Western Countries. // American Political Science Review. XLIX, December, 1955 – 1050 p.

¹⁴ Пай Л. Незападный политический процесс. Упер. Семиштова Н. // Полит-я наука. – 2003. № 2. – С.66-85.

¹⁵ Рукавишников В.О., Л.Халман, П.Эстер Политические культуры и социальные измерения. Международные сравнения. (Пер. с англ.). – М., Совпадение, 2000. – с. 91-93, 190-191.

¹⁶ Тертицкий К. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. – М., МИГУ, ИСАА, 1994. – 347 с.

¹⁷ Титаренко М.Л. и др. Китай на пути модернизации и реформ: 1949-1999. – М., 1999. – 735 с.; Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80-90 гг. XX века. – М., 2001. – 418 с.; Егоров К.А. Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы. – М., Наука, 1993. – 206 с.; Егоров К.А. под ред. Гудошникова Л.М. Представительная система Китая: история и современность. – М., Спарк, 1998. – 240 с.; Делосин Л.П. Политическая реформа и проблема демократии в Китае. – М., ИМЭПИ РАН, 1993. – 108 с.

эволюции Китая с позиций системного подхода при большом внимании к политическим аспектам произвёл коллектив авторов под руководством А.В.Меликсетова в работе «История Китая», вышедшей в 2002 году.

Помимо вышеназванных, следует упомянуть отечественных исследователей (преимущественно, как и многие из вышеназванных, работающих под эгидой Института Дальнего Востока Российской Академии Наук), рассматривающих проблемы модернизации Китайской Народной Республики и других государств региона с позиций выявления социально-экономических и политических последствий и факторов данного процесса, а также применимости китайского опыта в России; эти авторы уделяют внимание, в том числе, философским аспектам трансформации китайской экономической системы в связи с эффектами, производимыми в области массового, элитарного и научного сознания Китая, идеологии и пр. Многие из авторов прямо или косвенно указывают на существование в Китае дефицита социальной стабильности и на наличие как многочисленных протестных проявлений, так и значимого протестного потенциала. В нашей работе мы отталкиваемся, в числе прочих, от исследований О.Н.Борох, А.В.Виноградова, М.Ю.Галеновича, В.Г.Ганшина, Т.В.Лазаревой, А.А.Москалёва, А.В.Островского, Э.П.Пивоваровой, Г.А.Степановой.

В среде китайских ученых с началом реформ в 1980-е годы возрос интерес к исследованию философской теории политической жизни Китая. К наиболее значимым в секторе методологии исследований политической сферы относят работы Ван Хунина¹⁸ и Линь Шанли¹⁹. Взаимозависимости функционирования государства и политической культуры освещены Ан Цзингуном, Хуа Аньганом, Ван Шаосинем. Многочисленные исследования также посвящены процессам трансформации традиционной политической культуры. Национальный аспект политической культуры рассмотрен Сюй Датунном. Общий разносторонний анализ политической культуры Китая представлен в трудах Ван Панцзо, Ли Чуаньчжу, Чжан Канчжи, Чжан Ююя, Ши Сяочуна²⁰.

В рамках западных методологических схем проблемы политической культуры изучаются в Лаборатории исследований и измерений политических систем Университета Тайваня. В качестве предметов анализа наиболее популярны типология, структура, функции политической культуры, а также её субстанциональное содержание, ценностные аспекты, закономерности эволюции политической культуры китайского «материкового» и «островного» сообществ, отдельно рассматривается общество Гонконга (Сянган) и его политическая

¹⁸ 王沪宁. 政治的逻辑: 马克思主义政治学原理 \ Ван Хунин. Чжэньчжэ доцзи. Макекси чжун чжэньчжи сюэ юаньди (Политическая логика - принципы марксистской политологии). - Шанхай, Народное издательство Шанхая, 2004. - 508 с.

¹⁹ 林尚立. 当代中国政治形态研究 \ Линь Шанли. Дандай чжунго чжэньчжи синтай яньцзю (Исследование политической морфологии современного Китая). - Тяньцзинское народное издательство, 2000. - 483 с.

²⁰ Абрамова Н.А., Луцка О.А. Философско-антропологические основания китайской политической культуры. // Вестник ЧитГУ - 2010, №8 - Чита, 2010 - с. 14-20 - 133 с.

культура (как показано в нашей работе, это особое выделение неслучайно и оправдано). Особое внимание уделяется компонентам политической культуры²¹.

Таким образом, обосновывается актуальность культурно-исторического метода в качестве базового, а также соотносимость его с нашим предметом.

Актуализация темы социального протеста в мировой науке относится к периоду подъема массовых молодежных движений и «духа революции» в 1960-х гг., когда потребность в объяснении причин и сути молодежного бунта вызвала рост интереса к проблематике протеста вообще. Формируются теоретические концепции протеста – теория коллективного действия (Ч.Тилли, М.Залд, С.Тэрроу²²) и теория относительной депривации (Дж.Дэвис, Т.Р.Гарр, Р.Тернер²³), в которых основное внимание уделяется мотивам участия личности в протесте. Эти подходы до сих пор преобладают в американских исследованиях социального протеста (Д.Сноу, У.Гэмсон) и один из них – депривационный – мы применяем в качестве аналитического инструмента.

В советской социологии исследования протеста также возникают в 1960-е, большинство было посвящено критике западных подходов, с позиций классовой и революционной теории, среди них нужно прежде всего выделить труды философского толка Э.Я.Баталова, В.В.Большакова и К.Г.Мяло.²⁴ Следующий этап – с 1980-х гг.: радикальные перемены, равно как и бурный рост протестного движения, обуславливают возникновение новых направлений исследований протеста. В области методологии выявились следующие тенденции: ориентация на теорию относительной депривации (Ю.А.Левада, М.М.Назаров и другие); обращение как к депривационным схемам, так и к мобилизационным теориям, теории политического процесса (Е.А.Здравомыслова, В.В.Сафронов и другие).

Цель диссертационного исследования – выявление актуального состояния протестного движения в КНР и установление закономерностей в его развитии и функционировании. Данная цель обуславливает постановку и решение следующих **задач**:

1. Изучение эволюционных особенностей феноменологии политического протеста на материале европейской социально-политической мысли.

2. Подбор соответствующей предмету методологической базы исследования политического протеста на основе историко-сравнительного анализа подходов, имевших место в западном гуманитарном познании;

²¹ 吴琼恩. 儒家政治思想与中国政治现代化 \ У Цзиньнь. Жуцзя чжэньцзя сысян юй Чжунго чжэньцзя сизьндайхуа (Политическая идеология конфуцианства и политическая модернизация Китая). – Тайбэй, 1985. – 218 с.; 文崇一, 萧新煌. 中国人的观念与行为 \ Вэнь Чонг, Майкл Сю. Чжунго жэньдэ гуаньнизнь юй сизьзэй (Концепции и поведение китайцев). – Цзянсу, 2006. – 202 с.

²² См.: Тилли Ч. Социальные движения. – М., Парадигма, 2004. – 262 с.; Тэрроу С. Сила в движении: общественные, социальные движения и политика. – Университет Кембриджа, 1994. – 242 с.

²³ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб., Питер, 2005. – 461 с.

²⁴ Баннов Б.Г. Мятёж возмущенного разума: Студенчество Запада против империализма. – М., Молодая гвардия, 1970. – 112 с.; Баталов Э.Я. «Новые левые» и Герберт Маркузе. – М., Знание, 1970. – с. 26-41 и далее; Баталов Э.Я. Философия бунта. – М., Политиздат, 1973. – 210 с.; Ломейко В.Б. Левее истины: Рецидив детской болезни «слезачества» в студенческом движении Запада. – М., Молодая гвардия, 1970. – 110 с.; Мяло К.Г. Социальная динамика майского движения // Вопросы философии. – 1969. № 6. – с.34; Новинская М.И. «Студенческая революция» в США и кризис буржуазных ценностей // Вопросы философии. – 1972. № 12. – с. 89-101.

3. Анализ методологических подходов и политико-философских систем, созданных китайскими учеными, применительно к проблеме политического протеста;

4. Определение релевантной методологии исследования, анализ генезиса и эволюции политического протеста в КНР;

5. Определение субстанционального содержания современного протестного движения; характеристика ключевых факторов политического протеста в современной КНР;

6. Выработка прогноза и развития ситуации.

Объектом исследования является политический протест в КНР.

Предмет наших изысканий – особенности эволюции форм политического протеста в КНР в условиях реформ второй половины XX века.

Методологическая база исследования основывается на общенаучных историческом и сравнительном методах, а также на комплексном подходе, подразумевающим рассмотрение разных аспектов и сторон объекта в их взаимосвязи; применяются инструменты системной методологии.

Сочетающиеся в современном Китае мощный институт официальной идеологии и пропаганды, набор специфических политико-культурных традиций, процессы модернизации и глобальной интеграции формируют в дискурсе китайских ученых ряд понятий, идентичных представлениям отечественных и западных исследователей, однако многие национальные концепции в данной области по-прежнему лишены адекватного перевода и понимания в среде неазиатских политологов и социологов. Вкупе со специфическими социально-политическими практиками, это актуализирует проблему выбора методологии исследования в области современной политической жизни КНР²⁵.

Ключевой методологической схемой в специфически политологическом аспекте выступает бихевиоралистский подход, предполагающий рассмотрение политического бытия через призму реальных действий субъектов политики, а также их мотивов и установок.

Непосредственной опорой для настоящего исследования служат такие теории среднего уровня, как теория относительной депривации в изложении Т.Р.Гарра и концепция незападного политического процесса Л.Пая.

Поскольку важным фактором политического протеста является политическая культура наряду с её суммой в социально-политических идеях и течениях, изучение протестных движений видится иррелевантным вне культурно-исторического контекста. Отношение к протесту в политической сфере в разные эпохи в разных регионах мира было неодинаковым и для придания настоящему исследованию должной связности, а также для выявления в китайской политической культуре черт, характерных для общемирового дискурса на тех или иных этапах развития, наряду с чертами особенными и уникальными, мы считаем крайне важным рассмотреть, по крайней мере, в общих чертах генезис феноменологии протеста в общественно-политической мысли как Китая, так и

²⁵ Абрамова Н.А., Кучинская Т.Н. «Китайский регион» в политическом измерении. – Чита, ЧитГУ, 2008. – с. 104.

Европы, поскольку автор относит себя к европейской гносеологической традиции и так или иначе опирается на эту традицию, исходя из её постулатов, стремясь при этом, безусловно, к объективности познания, диверсификации и эффективному синтезу исследовательских подходов.

Для нас не в меньшей степени важно принять в расчёт ключевые институциональные особенности китайского государства, в чём, безусловно, познание политико-культурного базиса послужит нам опорой. В контексте анализа протестных проявлений наиболее значимыми нам видятся институты легитимации центральной власти (на основе *теории небесного мандата*) и передачи требований к политической системе с нижнего социального яруса (*петиционная система*). Оба этих института являются весьма специфическими для Китая, будучи укоренёнными в историческом опыте государственного строительства и дают ключ к пониманию природы некоторых направлений протестного движения, имеющих место в современном Китае. Принимая во внимание то обстоятельство, что китайское государство и общество всегда исходили в своём развитии из соотнесения насущных проблем с историческим опытом – опираясь на традицию или отталкиваясь от неё, – особенно важной видится роль ретроспективного анализа и кросстемпоральных сравнений при изучении эволюции и современного состояния протестного движения в Китае. Цель такого анализа состоит в установлении основных закономерностей проявления политического протеста и факторов, оказывающих на этот феномен наибольшее влияние. Результатом поисков должна стать система индикаторов, позволяющая производить оценку состояния политической сферы общества с точки зрения протестного потенциала, протестных настроений и реальных проявлений политического протеста²⁶, а также строить обоснованные прогнозы развития ситуации. При этом можно выделить два основных типа таких сравнений, используемых в работе: пространственно-временные, применяемые преимущественно в разделе, посвящённом феноменологии протеста (рассматриваются и сопоставляются позиции различных социально-политических идейных систем, возникших в разные эпохи в разных регионах), и вертикально-исторические, обеспечивающие задачу выявления общих исторических закономерностей в развитии идейно-идеологического и институционального комплексов Китая.

Эмпирическая база исследования составлена из материалов докладов государственных и неправительственных исследовательских групп, занимающихся проблемами общества и политики в КНР. Также за основу взяты труды отечественных и иностранных учёных по указанным проблемам, посвящённые преимущественно отдельным аспектам процесса модернизации в КНР, включая анализ современных идейных течений Китая. Кроме того, в работе используются сообщения СМИ о фактах протестных действий, инициативах

²⁶ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб., Питер, 2005 – с.50-55, 68-81

правительства и пр. Помимо этого, в анализ включены законодательные акты КНР²⁷, затрагивающие исследуемую проблему.

Личный вклад автора в получение научных результатов, изложенных в диссертации заключается в подборе и анализе массива данных по теме исследования (научных докладов, статей, сообщений СМИ, официальных документов и т.д.), а также в обосновании оригинальных выводов, основанных на данном анализе и характеризующих внутривнутриполитическую реальность КНР в связи с потенциалом и проявлениями политического протеста.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Оптимальная модель анализа политического протеста в КНР предполагает синтез ряда общенаучных подходов и методов с бихевиоралистской методологией и рядом политологических концепций среднего уровня, основанных на ней.

2. Значительный протестный потенциал, выявляемый в современном китайском обществе и множественные протестные выступления в КНР обуславливаются рядом факторов:

а) Эффекты экономических реформ (проблемы социальной структуры, экологии, отношений собственности и т.д.);

б) Комплекс политико-культурных традиций (общая преемственность, теория небесного мандата, институт подачи петиций и др.);

в) Фактор национально-этнического сепаратизма (Синьцзян, Тибет).

3. Протестное движение в Китае носит на текущий момент неорганизованный характер, имеются группы с принципиально различными мотивами.

4. Неоднородность и деkonsolidированность протестного движения в КНР снижает общую эффективность протестной деятельности и способствует дисперсии воздействия на проводимую правительством политику.

5. При сохранении репрессивного характера взаимоотношений между КПК и оппозицией, лишённой на данный момент выраженной институционализации, наблюдаются тенденции к «собираению» отдельных протестных сообществ в более крупные неформальные общности, что может служить угрозой выживанию существующей политической системы.

6. Вероятны несколько сценариев развития сложившейся в КНР ситуации:

а) Снижение социальной напряжённости и потенциала политического протеста вследствие смены поколений политических лидеров центристского толка (Си Цзиньпин и другие) и делегирования ответственности за негативные аспекты реформ предшественникам при принятии долгосрочной программы политических преобразований;

б) Нарастание протеста, катализируемого убывающей депривацией в случае прихода к власти представителей левого крыла и сворачивания ряда рыночных механизмов;

²⁷ 中华人民共和国突发事件应对法 \ Чжаунхуа жэньминь гуанхэ го фа шпиньзэ индуй фа (Закон КНР о реагировании на чрезвычайные ситуации). – Пекин, 2007. : эл. ресурс URL: http://www.gov.cn/flfg/2007-08/30/content_732593.htm (своб. доступ, дата обращения 08.10.2011);

в) Рост экономически детерминированной депривации (сочетание убывающего и прогрессивного типов) при взятии власти праволиберальным крылом и ослаблении госконтроля;

г) Рост устремлённой депривации в случае проведения Си Цзиньпином и его командой политики реакционизма.

Научная новизна

1. В работе делается акцент на динамике форм и факторов политического протеста в Китае.

2. Аргументировано положение о необходимости применения синкретической методологии изучения протестного движения в КНР, опирающейся на историко-культурный анализ и концепцию относительной депривации. В результате сравнительно-исторического анализа эволюции взглядов на место и роль протеста в политике как западной гносеологической традиции, так и китайской традиционной и современной политической науки, выявлены особенности и общие черты этих двух гносеологических систем. На основе систематизации теоретико-методологических подходов западных, отечественных и китайских ученых выработана специальная методология исследования политического протеста в Китае.

3. В рамках выработанной концептуальной схемы сформулированы основные социально-политические проблемы современного китайского общества. Выявлены определяющие факторы, мотивы и особенности протестного движения в КНР и потенциала политического протеста в китайском обществе. В частности, определены факторы политизации социального протеста. Аргументировано положение о ключевой роли трансформационных процессов в экономике и в духовной сфере через соотношение традиционализма и модернизма в политическом процессе.

4. В научный оборот введен массив источников по проблемам современной социально-политической жизни КНР, в частности, по вопросам политической философии, социально-экономической модернизации, государственному строительству, политическому процессу и т.д. на английском и китайском языках.

Гипотеза исследования. Политизация форм социального протеста в КНР детерминируется спецификой политической системы и в частности партийной структуры этой страны, политическая культура Китая задаёт специфические рамки как политическому процессу КНР, так и протестному движению. Ключевым фактором социально-политической нестабильности является продолжающаяся с 1978 года экономическая реформа; для КНР характерна разобщённость протестных сообществ и невысокий уровень влияния их на принятие политических решений. Смена поколений партийного руководства, являясь конвенциональным механизмом рециркуляции элит и не нарушая формальной структуры властных институтов, может катализировать ряд изменений в политическом процессе КНР, в зависимости от конкретных параметров смены.

В части обоснования **теоретической значимости** результатов диссертационного исследования следует отметить заострение внимания научного сообщества на проблемах политической системы Китая в связи с высоким протестным потенциалом. Результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке теоретических проблем изучения политического протеста не только в Китае, но и в современной России как модернизирующемся государстве, по ряду параметров схожем с КНР.

Выдвигаемые в работе теоретические положения дополняют и развивают теоретико-методологические подходы к анализу политического протеста вообще и предлагают *специальный* инструментарий для анализа китайского протестного движения.

Сформулированные в исследовании выводы, как и фактологический материал, расширяя и углубляя научные представления о протестности китайской политической культуры, закладывают основу выработки сбалансированных решений и адекватного подхода к взаимодействию различных организаций и государственных органов с соответствующими сегментами китайского общества или с обществом в целом.

Исследование механизма развития, трансформации и актуализации политического протеста в Китае создает базу для глубинного сравнительного анализа российских и китайских внутривнутриполитических отношений и способствует определению перспектив их эволюции.

Практическая значимость обуславливается тем, что материалы диссертации могут быть положены в основу учебных курсов по политологии, социальной психологии, социологии, политической конфликтологии и политической регионалистике.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны при разработке программ по повышению квалификации партийных и государственно-административных работников, сталкивающихся с протестными формами поведения и при выработке политических решений органами государственной и местной власти.

Апробация результатов работы

Основные положения диссертации были представлены на ряде научных конференций регионального, российского и международного уровней. В частности, в 2010 году автор делал доклад на Всероссийской научной конференции с международным участием «Политические институты в современном мире», проводившейся 10-11 декабря на базе Санкт-Петербургского государственного университета; в этом же году на конференции «Герценовские чтения-2010 - Актуальные проблемы социальных наук» на базе РГПУ им. А.И.Герцена. В декабре 2011 года принял участие в Международной конференции «Модернизация России и Китая: сравнительный анализ» проводившейся на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

Ряд положений диссертации изложен в статьях, помещённых в периодических изданиях по политологии, а также в сборниках статей и тезисов конференций.

Всего по теме диссертации имеется 5 публикаций, одна из которых – в журнале, включённом в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России

Структура работы

Работа состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов (по три в каждой главе), заключения, списка источников, включающего 229 наименований, и дополнительных материалов, включённых в 5 приложений, содержащих в том числе 5 диаграмм и 1 карту. Работа изложена на 191 странице без учета библиографического списка и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, ставятся цели и задачи работы, приводится характеристика базы источников диссертационного исследования, производится обзор работ российских и зарубежных исследователей по выбранной теме, определяются объект и предмет исследования, методология, характеризуются научная новизна работы, практическая значимость результатов, приводятся сведения об апробации и излагается структура диссертации.

Первая глава «**Концептуальные подходы к изучению политического протеста**» посвящена решению проблемы осмысления феномена политического протеста на основе анализа методологических подходов и теорий, а также идейных комплексов, являющихся определяющими в становлении как самого явления политического протеста, так и его феноменологии. Глава состоит из 3 параграфов.

Проводимый в первом параграфе «**Взгляды на протест в западной политической традиции**» кросстемпоральный анализ западных политических концепций по признаку отношения к политическому протесту может показаться избыточным, однако, это не так. Данный анализ является логически необходимым звеном в цепи исследовательских процедур и субстанциально важным элементом диссертации. Это обуславливается, во-первых, тем, что автор настоящего исследования опирается на западную когнитивную парадигму, стремясь объективно исследовать незападное общество; во-вторых, при недостаточной сущностной ясности предмета исследования, возникает риск размывания аналитического фокуса, что при масштабах поставленной цели недопустимо. Л.Пай, характеризуя специфику незападного политического процесса, доказывает, что политико-культурные комплексы Китая и «не-Китая» имеют существенные отличия, а посему необходимо прежде анализа конкретных явлений и феноменов политической реальности уяснить внутреннюю логику её построения. Поэтому первый параграф содержит историко-сравнительный анализ подходов к обществу и государству от античности до современности, вскрывая роль протеста в социально-политической системе в разные периоды. В ходе исследования выявляется диалектический характер эволюции взглядов учёных и философов

Запада на протест. При этом можно выделить три типа позиционирования протеста в политической системе:

- констатация наличия протеста в политике без его оценивания;
- признание протеста в качестве *деструктивной* силы, угрожающей целостности социально-политической системы;
- признание протеста в роли механизма *оздоровления* политики.

Повышение рефлексии на тему политического протеста и расширение дискуссии о его роли закладывают к XIX столетию основания для включения данного феномена в дискурс формирующейся науки об обществе и политике. Политический протест как особая форма социального поведения выделяется в качестве предмета целого направления политологических исследований в XX веке, пик интереса к данной теме приходится на 1960-е – 1970-е годы, в том числе в связи с подъемом молодёжных движений.

Второй параграф «Место протеста в китайской общественно-политической мысли» раскрывает особенности китайской политической культуры через призму традиционной философской мысли, которая в Китае неразрывно связана с проблемами государства и организации социального бытия. Выявляется ряд специфических для Китая концепций и институтов, а также *преemptивность*, характеризующая китайскую политическую культуру.

В частности, центральное и основополагающее значение для китайской политической культуры имеет учение о справедливом государственном устройстве, эволюционировавшее от шанских и раннежоуских идей послушания предкам и Небу как обиталищу оных, через борьбу «ста школ», среди которых наибольшее влияние на политику оказали конфуцианство и легизм, к синтезу наиболее применимых и рациональных положений основных философских учений и созданию на их основе той синкретической идеологии, которая стала фундаментом китайской государственности и залогом выживания социально-политической общности даже в условиях завоевания Китая иноземными и инокультурными захватчиками.

Особо в комплексе социально-политических идей выделяется концепция *небесного мандата (тень мин)*. Согласно ей, Небо является источником всего происходящего в мире (Поднебесной), в том числе и верховной власти – через систему «небесного мандата», права на правление, приобретаемого гегемоном посредством *накопления добродетели-дэ*. Небесный мандат переходит от недостойного правителя к достойному преемнику при *явных знаках* со стороны Неба. Поскольку правитель, именуемый «сыном Неба», выступает посредником между подданными и Небом, природные катаклизмы всегда воспринимались народом как признак *недостатка добродетели* у их повелителя. Даже после того, как понятие *шанди* (обожеествляемых предков) уступило место абстрактной идее Неба как универсальной силы, правящей космосом, китайский народ имел и периодически осуществлял на практике право свергать и наказывать несправедливых и порочных царей и императоров²⁸. Эта концепция, созданная

²⁸ Ходж С. Дао дэ цзин: современный перевод с комментариями Упер с англ. – М., «Омега», 2006. – с.11 – 176 с.

для легитимации власти Чжоу, прочно укоренилась в политической философии и, обеспечивая понятный и принимаемый элитами механизм легитимации последующих династий, создавала при этом почву для интриг и спекуляций по поводу справедливости господства действующего правителя.

В конфуцианстве, легшем в основу синкретической идеологии имперского Китая, *сопротивление несправедливому господству* заложено соотношением «*пяти постоянств праведного человека*»²⁹. Приверженность традициям и регулярная апелляция к ранней эпохе Чжоу как идеалу государственного устройства конституирует согласие с принципом связи добродетельности правителя с его правом на управление Поднебесной.

Легизм стремился ограничить протестный потенциал и формально упорядочить ряд сфер общественного бытия, но повышение жёсткости политико-административной системы вело к снижению её эволюционного потенциала и одновременно к росту неудовлетворённых потребностей различных социальных групп и слоёв. Это учение заложило основу формального права Китая и во многом повлияло на становление ряда социально-политических институтов.

Концепция *династийных циклов* Сыма Цяня описывает общие закономерности политического бытия Китая в императорский период, признанные современными учёными. Данная концепция согласуется с теорией относительной депривации с точки зрения выделяемых факторов стабильности и дестабилизации политической системы, выделяемых древнекитайским историком.

Китайские социально-политические учения конца XIX и начала XX веков также рассмотрены во втором параграфе, выявлена их тесная связь с политическим процессом того периода и непосредственное влияние комплекса идей на развитие китайской революции. Рассмотренные в ретроспективе и сравнении основные китайские социально-политические учения создают культурный фундамент, на котором базируется современная китайская цивилизация, несмотря на радикальный характер сдвигов, пережитых в XX веке. Эта политическая культура сохраняет традиционно высокий внутренний потенциал политического протеста, выявленный в ходе приведённого выше анализа, что непосредственно сказывается на современной ситуации в КНР.

Эти результаты при проецировании их на итог работы, проделанной в первом параграфе, позволяют обнаружить наличие общей закономерности в эволюции социально-политической мысли Китая и Европы: оценка роли политического протеста и степень сфокусированности на его проблематике в доктринах и концепциях характеризуется чередованием трёх основных позиций протеста в политической системе (нейтральной, дисфункциональной и конструктивной), а также поступательное усложнение представлений о политике вообще и о месте протеста в ней в частности. Отличительной чертой Китая видится большая длительность «когнитивных циклов», в рамках которых та или иная концепция доминирует, и, соответственно, меньшее число витков «диалектической спирали»; эта размеренность китайского научного познания социальной

²⁹ Книга «Беседы и суждения» Конфуция, пять переводов на русский «на одной странице»: эл.источник URL: <http://lunyu.ru/> (своб. доступ, 02.02.2012).

реальности дополняется большей последовательностью эволюции и большим стремлением к встраиванию новых идей в сложившуюся парадигму, нежели мы наблюдаем на Западе. Этой компромиссностью, историчностью и стремлением к преемственности объясняется актуальность в современном китайском политическом дискурсе таких древних концептов как небесный мандат и связанной с ним идеи справедливости как базовой ценности (в то время как в западной общественно-политической мысли мы наблюдаем циклическую ротацию базовых ценностей вслед за изменениями отношения к протесту).

Третий параграф «Методология анализа политического протеста в КНР» посвящён детализации и конкретизации методологического инструментария настоящей работы.

Произведён анализ эволюции бихевиористских теорий коллективного действия и насилия, продемонстрированы эвристические особенности *теории относительной депривации* применительно к анализу политических протестных действий.

В данном параграфе рассматривается специфика политического процесса в незападных системах с опорой на концепцию Л.Пая. Предлагаемые им индикаторы (в частности, особенно важные для нас: размытость границ между сферой политики и личных отношений; тенденции к универсализации идеологий и политических программ; специфика проявлений политической лояльности; отсутствие интеграции участников политического процесса и др.) эффективно сочетаются с депривационным подходом.

Первая глава в целом выявляет элементы схожести и специфичности политической мысли Европы и Китая в ряде аспектов, что обеспечивает адекватное применение избираемых исследовательских инструментов. Обосновывается значимость традиций при анализе политического протеста в КНР и подтверждается присущность Китаю как незападной политической системе ряда принципиально важных для исследования признаков: фрагментированности политической подсистемы общества, её институциональной неоформленности; идеологического универсализма; ограничений деятельности нетитульных групп интересов. Предлагаемый синтез теории относительной депривации и культурно-исторического подхода позволяет произвести релевантный анализ политического протеста в Китае, учитывающий специфику данной страны и дающий результаты, операционализируемые в рамках ряда подходов и направлений политологии.

Вторая глава «Политизация протестного движения в Китае», сфокусированная на анализе фактов и факторов политического протеста в Китае, состоит из трёх параграфов.

Первый параграф «Традиции политического протеста в Китае» посвящён сравнительно-историческому анализу протестных *движений* и значимых *выступлений* за период истории Китая с момента обретения государственности во II тысячелетии до н.э. до начала эпохи реформ и открытости в последней четверти XX века. В ходе реализации задачи по выявлению специфики протестных форм политического поведения, характерных

для Китая, установлена их тесная взаимосвязь с особенностями китайской политической мысли. Проведённое сравнение приводит к следующим выводам:

во-первых, китайское общество с ранних этапов государственности характеризовалось высоким протестным потенциалом;

во-вторых, на проявления политического протеста оказывали сильное влияние традиционные институты и идеи, ключевой из которых является базовая концепция обоснования легитимности политического господства через выражение воли Неба и приверженность конфуцианской идее справедливости как рациональной необходимости (теория небесного мандата);

в-третьих, на протяжении большей части китайской истории основными участниками массовых протестных выступлений как правило являлись крестьяне, в то время как интеллектуалы, занимавшие позиции в бюрократическом аппарате, чаще исполняли роль наблюдателей, консультантов-координаторов или инициаторов подобных акций (ситуация меняется с ростом числа студентов в Китае на рубеже XIX-XX веков);

в-четвёртых, устойчивость и влияние традиций институциональной преемственности вскрывается при анализе таких ключевых моментов китайской истории как периоды подчинения иноземным правителям (чжурчженская, монгольская, манчжурская империи). Чиновничество, являясь носителем государственности, выступало с позиций мягкой силы и вынуждало завоевателей, желавших закрепиться в Поднебесной, принимать правила игры, установленные за отцами-основателями китайской политико-культурной общности.

Второй параграф «Мотивы и факторы политического протеста в КНР в период реформ и открытости» содержит анализ современного китайского политического процесса с точки зрения протестного потенциала и протестной активности. По итогам широкого обзора протестного движения, сложившегося в КНР к началу XXI века, автор приходит к следующим выводам:

1) Китай переживает острый кризис идеациональной³⁰ согласованности, вызванный эффектами экономических реформ. Он выражается в интенсивной и масштабной депривации по поводу расхождения декларируемых ценностных приоритетов (социалистическое, то есть, справедливое государство, самодостаточность Китая и т.д.) с реально преследуемыми правительственной политикой (максимизация макроэкономических показателей, зачастую – в прямой ущерб социальной защищённости широких социальных слоёв; выстраивание сложной системы внешних связей, ставящих Китай в зависимость от экспорта энергоносителей и даже продуктов питания, а также от импорта собственной промышленной продукции). Итогом развития указанного кризиса может стать дефицит как социальной стабильности ввиду претензий к конкретным негативным проявлениям, так и легитимности существующего режима политической гегемонии КПК.

2) Вторичные факторы роста протестного потенциала и расширения номенклатуры протестных акций разнообразны и часто имеют совершенно

³⁰ Под идеациональной согласованностью мы понимаем консенсус по поводу базовых ценностей в рассматриваемом сообществе. См. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – с.81 и далее

особенную природу. Так, если для большинства сельских и городских районов общими являются мотивы материально-ориентированного протеста (в первую очередь, по поводу *несправедливого* отчуждения коллективной и частной собственности без адекватных компенсаций; экологические проблемы, связанные с массовой застройкой и развитием вредных производств, и др.), то в отдельных районах КНР формируются специфические протестные сообщества с географически локализованным репертуаром требований.

Во-первых, это движения национально-этнического и этно-религиозного сепаратизма (автономизации) в Тибетском и Синьцзян-уйгурском автономных районах, где компактно проживающие национальные меньшинства выдвигают требования расширения культурной и политико-административной автономии вплоть до сецессии. Этот сегмент протестного движения не имеет шансов выйти на общенациональный уровень, но несёт серьёзные риски не только (и не столько) социальной стабильности, сколько национальной безопасности, учитывая степень эскалации насилия, вылившегося в беспорядки в Лхасе в 2008³¹ и в Урумчи в 2009³² годах.

Во-вторых, подобные географически локализованные протестные сообщества с ещё большей степенью организованности, но меньшей склонностью к насилию сформировались на вновь вошедших в состав КНР в конце 1990-х годов территориях Гонконга и Макао. Если в АОАР (Аомэнь) ситуация далека от взрывной в силу меньшего демографического потенциала и специфической структуры экономики, то в Сянгане серия выступлений в середине 2000-х годов вынудила Пекин сменить главу правительства района на менее одиозную фигуру и – по крайней мере, на словах, – заявить об открытости для диалога по поводу политической автономии Особого административного района; отметим также, что политический протест в СОАР, наряду с «тибетским вопросом» становится рутинно разыгрываемой картой в двусторонних отношениях США с КНР³³.

В-третьих, выявлено существование в Китае значимой идеологической оппозиции правящему режиму, притом как справа – в лице либерально-демократических активистов, символическим лидером которых является Лёу Сяобо, нобелевский лауреат, отбывающий тюремное заключение по обвинению в антикитайской деятельности, так и слева – в лице авторов сборника «Китай недоволен» и других «ястребов», призывающих свернуть капиталистические реформы и возродить «дух Яньани». Существует точка зрения, согласно которой внутри высшего китайского руководства существуют фракции, придерживающиеся как центристских, так и леворадикальных взглядов. Кроме того, выступления уходящего в 2012 году в отставку китайского лидера Ху

³¹ Tibet unrest spreads beyond Lhasa \ BBC News 17.03.2008 – эл. источник <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/7299597.stm>

³² Civilians die in China riots \ Aljazeera 05.07.2009 – эл. источник <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2009/07/200975175832600179.html>; Uighur Unrest \ Forbes 07.05.2009 – эл. источник <http://www.forbes.com/2009/07/05/china-riots-xinjiang-opinions-beijing-dispatch.html>

³³ Официальный представитель МИД КНР Кун Цюань выступил с заявлением по поводу принятия палатой представителей конгресса США резолюции о т. н. «поддержке свободы в Сянгане» \ МИД КНР – эл. источник <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fwrh/fwrhthdhdw/t159089.htm>

Цзиньтао у некоторых аналитиков вызывают подозрения о его принадлежности к лагерю латентных либералов, загнанных в партийное подполье после событий 1989 года, но убедительных подтверждений этому мы не находим.

Отдельно в параграфе уделяется внимание проблеме дезорганизованности политического протеста в КНР, его стихийности в большинстве случаев и отсутствию центра координации. Отмечается роль китайской цензуры (местным СМИ запрещается освещать события, происходящие вне территории их приписки и издания, а в Интернете действует как программно-аппаратный комплекс контентной фильтрации и контроля доступа («Золотой щит»), так и огромная по численности «пятигрошовая армия» - неофициальная организация интернет-пропаганды).

В третьем параграфе «Перспективы развития протестного движения КНР» даётся прогноз развития протестного движения в КНР. Основываясь на проведённом исследовании и оперируя известными фактами, можно смоделировать перспективу протестного движения. Главные выводы, относящиеся к прогнозированию ситуации, заключаются в следующем:

1) Несмотря на принятие китайским правительством комплексных мер по ограничению возможностей для интеграции протестных сообществ, такая интеграция должна произойти в ближайшее время ввиду расширения глобализационных процессов в КНР и развитии информационной инфраструктуры в таких масштабах, которые не могут контролироваться цензурой со стопроцентным покрытием (свидетельства чего видны уже сегодня);

2) Смена поколений политических лидеров предоставляет шанс китайскому руководству произвести инкрементальные³⁴ (но необходимые) изменения в системе отношений общества и власти. Указанный рубеж (2012-2013 гг.) представляется удобной точкой для открытия активной фазы субстанционального реформирования политической системы КНР по тайваньскому образцу, однако вероятность скорейшего начала таких реформ не может быть оценена как большая ввиду наличия в высшем руководстве влиятельной левоориентированной группировки и осторожности центристов;

3) Не исключается (но оценивается как маловероятный) вариант поворота политического курса центрального правительства в сторону отката экономической либерализации и наращивания государственного присутствия не только на макроуровне, но и на уровне отдельных экономических субъектов с целью компенсации растущего разрыва в доходах и распределении ресурсов и услуг между богатейшими и беднейшими, а также между горожанами и крестьянами, что повлечёт усиление давления на протестные сообщества.

Заключение работы содержит обзор выводов и обобщение аналитического материала исследования.

Подтверждается валидность методологического инструментария и производится ретроспективный обзор его применения на различных этапах работы.

³⁴ См., например Якунин В.И., Сулакшин С.С., Тимченко А.Н. Теоретические аспекты проблемы эффективности государственного управления // Власть. – 2006. N 8. – с. 7-14

Систематизируются практические выводы, вносящие вклад в политологическое знание:

1) Выявленный в КНР протестный потенциал и протестные выступления обуславливаются рядом факторов, как взаимосвязанных, так и автономных.

а) *Эффекты экономических реформ.*

Провозглашение после смерти Мао Цзэдуна строительства социализма с китайской спецификой (*Чжунго тэсэ дэ шэ хуй чжун*) и открытие курса реформ и открытости (*Гайгэ Кайфан*) предопределили существенные преобразования в экономической политике КНР, масштабные изменения структуры и условий занятости и проживания, пересмотр отношения к частной собственности и глобальные перемены в мировосприятии.

б) *Комплекс политико-культурных традиций.*

Специфика эволюции китайской цивилизации, выявленная в ходе сравнительно-исторического анализа европейских и китайских подходов к политике, также предопределяет ряд факторов, катализирующих протест. В частности, это теория небесного мандата и институт подачи петиций. Конфуцианская этика долга и справедливости, в синтезе с легизмом ставшая цементом китайской национально-культурной идентичности, органично инкорпорирует эти институты легитимации власти и передачи требований и создаёт гремящую ценностно-идеологическую смесь, подогревающую протестный потенциал уже несколько тысячелетий.

в) *Фактор национально-этнического сепаратизма.*

Самостоятельный катализатор политического насилия – движения национально-освободительного характера в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных регионах.

2) Протестное движение в Китае носит неорганизованный характер: имеются группы с принципиально различными мотивами протестной деятельности.

Анализ репертуара протестных мотиваций и протестных сообществ в КНР выявил большую разнородность сил, оппозиционных правящему режиму. Велика доля фрустрированных последствиями реформ, как материальными, так и ценностными потерями.

«Ценностная» группа мотивов порождается как комплексом исторических традиций, так и политизацией китайского общественного сознания в период правления Мао Цзэдуна (когда проблемы государственного развития стали всеобщими, но лично воспринимаемыми). В рамках данного направления протеста выделяется либеральное крыло, и леворадикальное, чьим манифестом стал сборник «Китай недоволен!», осуждающий «правый уклон» в политике китайского руководства и отход от принципов социализма. Опубликованная ранее Хартия-08, выражающая чаяния либералов, напротив, декларирует необходимость развития политической демократии в КНР вслед за либерализацией экономики.

Материально мотивированный протест также неоднороден по регионам и по линии город-деревня, что усугубляется дефицитом коммуникации, объясняемым активностью китайской цензуры. Поставив под контроль распространение информации в печати, на радио и телевидении, цензорам удалось оперативно

включится и в работу с глобальной сетью. Проекты типа «Золотого шита» и «Зелёной дамы» демонстрируют решимость китайского правительства ограничить распространение нежелательных сведений, а создание «пятигрошовой армии» знаменует переход пропаганды в наступление. Разумеется, в таких условиях сложно наладить координацию между отдельными протестными сообществами даже при условии общности интересов.

Протестные движения национально-культурной автономии в ТАР и СУАР несхожи, имея мало общих мотивов и с недовольными «большого Китая». Если Тибет стремится к культурно-религиозной автономии, не настаивая на сецессии, то уйгурские националисты, среди которых сильны позиции радикальных исламистов, стремятся к выходу из состава КНР и к формированию нового государства – (Восточного) Туркестана, – включающего ряд территорий, сопредельных с Китаем. Поэтому, при меньшей публичности, проблема СУАР – более высокоуровневая, чем «тибетский вопрос», так как затрагивает интересы многих политических субъектов в данном регионе, включая Россию.

Существует специфически региональное, но значимое протестное движение в Сянгане, где бывшие граждане британской колонии считают свои права ущемлёнными при переходе под суверенитет прародины. Их требования не могут на данном этапе встретить понимание большей части жителей Китая, однако сам факт ведения сянганцами небезуспешной политической борьбы с Пекином заставляет столицу принимать меры по ограничению распространения идейного влияния данной особой территориальной единицы на сопредельные регионы.

3) Разнородность и разобщённость протестного движения в КНР снижает общую эффективность протестной деятельности и нивелирует воздействие на принятие политических решений.

Данное положение подтверждается результатами изучения влияния протестных выступлений на принятие политических решений китайским правительством. Во-первых, отдельные акции, даже относительно многолюдные и многочисленные, но лишённые общей платформы и координации, не рассматриваются китайской государственной наукой как протестное движение – их именуют «массовыми» и «сверхмассовыми инцидентами», объединяя с происшествиями, не связанными с выдвижением политических требований, но также вовлекших большое число людей. Во-вторых, лишённые поддержки извне, протестующие часто терпят поражение от правительственных сил, и попытки добиться справедливых на взгляд участников протеста решений пропадают в безвестности.

«Идеологическая» оппозиция более организована, но каждое из её крыльев, имея «зеркального» противника, много сил отдаёт борьбе с ним, а не с политическим гегемоном. Впрочем, предпринимаемые диссидентами попытки создания неправительственных организаций заканчиваются разгромом инициативных групп, арестами и депортациями (попытка создания в 1998 году независимой от КПК и не входящей в Патриотический единый фронт Демократической Партии Китая была пресечена на стадии подачи документов на регистрацию; Лёу Сяобо, как и многие другие правозащитники, привлекался к

уголовной ответственности за попытки организации массовых акций и создания благотворительных некоммерческих организаций).

Тем не менее, говорить об отсутствии влияния на курс центрального правительства нельзя: реакция на выступления в Сянгане и хрестоматийный эпизод с отменой результатов выборов в деревне Укань выявляют потенциал влияния на правительственную политику при условии достаточности ресурсов и убеждённости.

4) Несмотря на сохранение репрессивного характера взаимоотношений между правящим режимом в лице КПК и оппозицией, лишённой общей структуры, наблюдается тенденция к «собиранию» отдельных протестных сообществ в более крупные неформальные общности, что может служить угрозой выживанию существующей политической системы.

Это выражается как в интенсификации международных контактов китайских «несогласных» в поисках поддержки, так и в развитии внутри страны системы неформальной коммуникации, в первую очередь, через интернет.

5) По результатам исследования в заключении диссертации приводится прогноз развития ситуации в КНР.

Негативные варианты могут быть следствием трёх альтернативных сценариев, реализация их менее вероятна, нежели положительного.

а) В случае отстранения от власти группы умеренных центристов под руководством нынешнего зампреда КНР, называемого преемником Ху Цзиньтао, Си Цзиньпина и прихода к руководству верховными органами компартии техвых радикалов, можно предположить сворачивание ряда рыночных механизмов и усиление государственного давления на инакомыслящих. Помимо выступлений граждан, связавших свою жизнь с капиталистическими институтами, стоит ожидать контрмер со стороны крупных предпринимателей вплоть до инспирирования и финансирования борьбы против правительства (не исключая подкуп армейского командования либо добровольный нейтралитет последнего).

б) При взятии власти правыми либералами дальнейшее ослабление контроля в экономике приведёт к значительным флуктуациям рынка, массовому недовольству затронутого населения и росту коррупции, уже являющейся важной проблемой для китайской политики. Введение же в такой ситуации политической демократии способно дестабилизировать социум до критического значения ввиду спекуляций на политическом рынке после открытия его, помимо представителей идейно разных созидательно ориентированных сил, для деструктивных акторов, в том числе агентов террористических и экстремистских группировок

в) Наконец, в случае штатной передачи власти Си Цзиньпину и его команде, но при условии реакционизма в политике и демонстративного отказа от дальнейших преобразований вероятен лавинообразный рост устремлённой депривации и на её волне – интенсификация и радикализация протестных выступлений.

Оптимистический сценарий, наиболее вероятный, предполагает снижение напряжённости в результате смены поколений руководства партии и государства.

При этом часть ответственности за промахи государственной политики может быть – и будет – переложена на предшественников. Сущностных же изменений в случае планомерной смены политических лидеров ожидать не стоит, поскольку позиция гибкой силы, занимаемая китайским руководством сегодня в отношении протестующих, видится стратегически оптимальной в соответствии с ресурсами официального Пекина. Признав ряд ошибок предшественников, но отстояв принципиальную верность генерального курса и внушив народному большинству надежду на исправление «перегибов», новые руководители КНР, вероятнее всего, продолжат линию консервации политической системы, обеспечивая гегемонию КПК. Однако в долгосрочной перспективе ожидаемо возобновление планомерной поступательной демократизации политической жизни, предусмотренной первоначальным проектом реформ 1970-х гг., что позволит усилить авторитет нового руководства и сохранить влияние КПК даже в условиях плюралистичного политического процесса.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Мотайло А.С. Экологический фактор социально-политической напряжённости в КНР. // ПОЛИТЭКС политическая экспертиза. 2011. Т.7 № 4 – С.143-149. (0,5 п.л.)
2. Мотайло А.С. Аспекты взаимного влияния модернизационных процессов и социально-политического протеста в КНР с позиций теории относительной депривации. // Международная конференция Модернизация России и Китая: сравнительный анализ – материалы конференции. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. – С.101-103. (0,3 п.л.)
3. Мотайло А.С. Перспективы эволюции политического протеста в Китае // Политический анализ: доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып.10. Под ред. О.В. Поповой. – С-Пб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – С.68-75. (0,4 п.л.)
4. Мотайло А.С. Проблемы канализации протеста в КНР// Политические институты в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 10-11 декабря 2010 г., Санкт-Петербургский государственный университет/ Под общ. ред. С. Г. Еремеева, О. В. Поповой. – Санкт-Петербург: ООО «Аллегро», 2010. – С.245-247. (0,3 п.л.)
5. Мотайло А.С. Методологические проблемы анализа политического протеста в недемократических режимах. // Герценовские чтения 2010 Актуальные проблемы социальных наук. Санкт-Петербург, 2011 Ч.2 – С.71-74. (0,3 п.л.)

Подписано в печать 19.03.2013 г. Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем: 1,25 усл. печ. л.
Тираж 120 экз. Заказ № 73.

Типография РГПУ им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48